

РЕЦЕНЗИИ

**ГРИШИНА Е.А. РУССКАЯ ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ).
М: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2017. 744 с.¹**

**GRISHINA E.A. RUSSIAN GESTURES FROM A LINGUISTIC
PERSPECTIVE (A COLLECTION OF CORPUS STUDIES). MOSCOW,
YAZYKI SLAVJANSKOJ KULTURY PUBL., 2017. 744 p. [IN RUSS.]**

DOI: 10.31857/S241377150004960-9

Бытовая русская жестикуляция привлекла внимание лингвистов сравнительно недавно и быстро сделалась популярным объектом изучения. Так, если в 1970-х гг. было справедливо утверждение: “Предмет исследования кинесики таков, что в настоящее время о нём нет полного и определённого представления” [1, с. 185], то уже в 90-х гг. были описаны базовые жесты, составляющие ядро русского языка тела [2], и разработан системный подход к изучению невербальной коммуникации, предполагающий, что “невербальное поведение имеет структуру... и совершается по определённым правилам” [3, с. 69]. Позже Г.Е. Крейдлин [4], [5], [6] и его соавторы показали, что при формулировании этих правил удобно не рассматривать вербальные и невербальные знаки как цельные, неделимые единицы, а выделять в составе жестов “телесные компоненты, которые играют важную роль в их образовании” [7, с. 428] и соотносить их со смысловыми компонентами сопутствующих высказываний.

Именно этот метод успешно применён в рецензируемой монографии Е.А. Гришиной, посвящённой всестороннему описанию русского языка тела. Каждый жест в ней рассматривается как *вертикальная лигатура*² — “комбинация значений некоторой совокупности параметров... (например, конфигурация руки, ориентация ладони, направление движения по трём декартовым координатам, угол между рукой и телом и мн. др.)” (с. 33). Направление движения жестикулирующего органа раскладывается на векторы, параллельные координатным осям (с. 203). Сложные круговые движения рук представляются как сочетания колебательных и более простых круговых движений (с. 363). Свой набор параметров устанавливается и для речевого

сопровождения жестов (тип иллокуции, временные и модальные характеристики высказывания, тип синтаксической конструкции и др.).

На основании выделенных параметров жесты и речевые фрагменты объединяются в группы: “жесты — по формальным признакам, речевые фрагменты — по лингвистическим” (с. 34), после чего выявляются *мультимодальные кластеры* — “пары собственно лингвистических и жестикуляционных явлений, которые встречаются в устной речи с частотой, заметно выше средней” (с. 27). В определении состава таких мультимодальных кластеров и состоит основная задача книги.

Очевидно, чтобы судить о связи явлений между собой, не анализируя каждый отдельный случай, а ориентируясь главным образом на количественные показатели, нужно иметь очень большую базу данных. Такая база у автора была: за несколько лет Е.Г.³ просмотрела и подробно разметила несколько тысяч небольших фрагментов кинофильмов и видеозаписей устной публичной речи; все эти материалы входят в созданный ею же ранее Мультимедийный русский корпус (МУРКО). Для монографии Е.Г. отобрала более 600 иллюстративных видеоклипов, упорядочила их по главам и разделам, снабдила интернет-ссылками и добавила замедленное воспроизведение тех жестов, которые неподготовленному зрителю может быть трудно разглядеть с первого раза. Поражает и масштаб, и тщательность проделанной работы — в особенности в свете того, что глубокую жестовую разметку, насколько нам известно, Е.Г. выполняла в одиночку. И тем более вызывает сожаление то, что к этой базе нет доступа: большая часть примеров не входит в размеченную (т.е. открытую для параметрического поиска жестов) часть МУРКО, поэтому заинтересованному читателю, который захочет

¹ Автор выражает благодарность И.Б. Иткину за проникательные комментарии при обсуждении фрагментов рецензируемой монографии и критические замечания к тексту рецензии.

² Здесь и далее термины Е.А. Гришиной выделяются курсивом.

³ Далее в рецензии мы позволим себе в некоторых случаях указывать только два инициала Е.А. Гришиной.

досконально разобраться в наблюдениях Е.Г., придётся самому добывать все данные почти с нуля, а это поистине титаническая работа.

Скажем несколько слов о критерии χ^2 , с помощью которого устанавливается достоверность полученных распределений. Достоинства статистической проверки очевидны: она объективна, в частности, позволяет верифицировать гипотезы других исследователей, сделанные либо на основе субъективных наблюдений, либо на материале другого языка или особых коммуникативных жанров. Так, подтверждается наблюдение Г.Е. Крейдли-на [5] о связи указания открытой ладонью с множественностью указываемого объекта (с. 81) и вывод А. Кендона [8] о том, что указание большим пальцем “имеет анафорическую функцию, т.е. отсылает слушающего к предупомянутому” (с. 107, см. также с. 114–116).

Тем не менее у критерия χ^2 есть свои ограничения. Во-первых, как отмечает О.В. Фёдорова в обзоре, приуроченном к выходу данной монографии, “довольно велика вероятность потери некоторых корреляций, для которых хи-квадрат оказался недостаточно чувствительным” [9, с. 118]. Критерий χ^2 не даёт ответа и на вопрос, как исполняется жест, если на него “воздействуют одновременно два фактора, которые предполагают противоположные результаты (например, модальный фактор требует движения руки вправо, а значение приставки... — движения влево...)” (с. 284). В некоторых случаях влияние нескольких альтернативных факторов на реализацию жеста очень заметно — см., например, Табл. 8₂ (с. 297)⁴:

Ориентация ладони Направление движения	Вверх	Не вверх
	255	771
сверху вниз	255	771
снизу вверх	213	378

Эти данные показывают, что ориентация ладони вверх связана с направлением движения руки снизу вверх, а любая другая ориентация — с направлением сверху вниз. Числа 255 и 378 — результат ниже теоретического среднего. Очевидно, то, что эти числа весьма велики, определяется какими-то иными факторами, но какими именно, неизвестно. Впрочем, по словам Е.Г., “попытка построить иерархию факторов — задача другого исследования, на

сегодняшний день у нас нет данных для решения этой проблемы” (с. 285).

В отдельных случаях автор осознанно прибегает к упрощениям реальной картины. Так, мягкий императивный компонент (‘просьба’) передаётся ладонью, обращённой вверх, а жёсткий императивный компонент (‘подавление’) — ладонью вниз (с. 67–68), и примеры показывают, что ключевую роль для различения императивов играют именно жестовые, а не языковые параметры — ср. два очень похожих высказывания с противоположными ориентациями ладони: *На голову не лей!* — ладонь вверх, мягкий императив; *Ну-ка стой так!* — ладонь вниз, жёсткий императив. Вместе с тем Е.Г. отмечает, что для различения этих компонентов при подсчётах она использует лингвистические признаки: “При статистическом анализе материала... мы считали мягкий императивный компонент имеющимся только в вопросе — императивы... считались... имеющими жёсткий императивный компонент” (там же). По-видимому, такого рода огрубления неизбежны при работе с большим объёмом данных, и можно считать, что как раз благодаря большому числу ряд исключений типа *На голову не лей!* (мягкий императив, интерпретируемый как жёсткий) не исказит общую картину.

Некоторые огрубления касаются и формулировок, посредством которых автор описывает полученные распределения, в частности использования слова *только*, ср. “...Жест *поворот головы* может быть обращён только на... недоступный объект” (с. 151). Сказанное ни в коем случае не следует понимать как “*Поворот головы* не может указывать на доступные объекты” — вообще-то может (11 примеров из 50–22%! — см. Табл. 4₅ на с. 146), но в этих случаях, по всей видимости, он обусловлен не параметром “доступность объекта указания”, а какими-то иными характеристиками высказывания или коммуникативной ситуации в целом. Прочитанное утверждение означает лишь то, что поворот головы при указании на недоступный объект встречается в исследовательском корпусе с частотой, превышающей теоретическое среднее, то есть что совпадение этих явлений, скорее всего, не случайно.

После того как между параметрами установлены достоверные связи, наступает этап интерпретации наблюдаемых закономерностей. Тут следует заметить, что, с одной стороны, книга включает в себя целый ряд самостоятельных исследований, охватывающих самые разнообразные аспекты русской жестикуляции — от полноточных дейктических и изобразительных жестов до мимических, выполняющих чисто служебные функции. С другой

⁴ В таблицах мы сохраняем шрифтовые и цветовые выделения Е.А. Гришиной: если данные в ячейке больше теоретического среднего результата, они выделяются полужирным шрифтом и затемнением ячейки, если меньше — курсивом и подчёркиванием.

стороны, интерпретация всех полученных результатов в едином ключе подводит читателя к некоторым общим идеям, касающимся устройства русского языка тела в целом, — в частности, о принципиально различных способах невербального выражения абстрактных и конкретных понятий: грамматических и лексических единиц, ситуаций и объектов и др.

Обращает на себя внимание то, что Е.Г. находит объяснение для огромного большинства полученных распределений; лишь в весьма редких случаях иллюстрирующих явление примеров очень мало (менее 10), и Е.Г. предполагает, что зависимость может быть случайной. То, что автор умеет интерпретировать почти любую открытую им закономерность, одновременно и вдохновляет, и настораживает. Возникает вопрос, насколько хорошо предлагаемые объяснения будут работать на другом материале, и этот вопрос уже начинает активно изучаться (см., в частности, работу О.В. Фёдоровой [11], в которой исследуется направление взглядов трёх коммуникантов по данным корпуса “Рассказы и разговоры о грушах” и обнаруживаются особенности глазного поведения, не описанные Е.Г.).

Остаётся не до конца понятным, сколько примеров необходимо для того, чтобы можно было считать отклонение от ожидаемого результата проявлением какой-то закономерности. Так, в Табл. 7_7 (с. 265) количество примеров для приставки *воз-* в сочетании с жестом *голова вперёд* “весьма невелико” (6 — при ожидаемом 2,86), и поэтому “не исключено, что эта зависимость имеет случайный характер” (с. 264), а 7 примеров (при ожидаемом 3,74) для приставки *раз-* в сочетании с *боковым кивком* (та же таблица) уже достаточно для содержательной интерпретации.

Хотелось бы остановиться на одной очень важной установке Е.Г., повлиявшей не только на её интерпретации в книге, но и собственно на глубокую жестовую разметку МУРКО: **в одном конкретном контексте многозначный жест выражает ровно одно из своих значений**. Мы считаем, что эта установка в целом верна, но в некоторых случаях целесообразно делать поправки⁵.

Так, Е.Г. иногда строго классифицирует жесты по значению там, где, по нашему мнению, следовало бы допустить, что один жест может входить

в разные группы. Приведём два примера из главы 5 (“Автодейксис”).

Для жеста *прижать ладонь к груди* выделяются две взаимоисключающих ситуации употребления: 1) “когда говорящему нужно осуществить любой речевой акт, компонентом которого является перформатив ‘прошу мне поверить’” (с. 191), например, “жестом — речевым действием ‘просьба’ говорящий просит собеседника поверить в то, что говорящему очень нужно исполнение его просьбы” (там же), 2) чисто дейктическое употребление, когда говорящий просто указывает на себя, прикладывая ладонь к груди (с. 192). Второе употребление отличает от первого синхронизация жеста с “местоимением *я*, его производными или перифразами” (там же). Так, в примере 5.5_1 *Значит, договорились в смысле кандидатуры?* жест *прижать ладонь к груди* приходится на одно только слово *кандидатура* (‘моя кандидатура’), и Е.Г. интерпретирует его как дейктический; если бы этот жест “выражал идею просьбы, то он бы употреблялся асинхронно, т.е. был бы смещён к началу вопроса или к предикату (*договорились*)” (там же). Нам кажется, что эти два употребления не противоречат друг другу: ведь можно вообразить ситуацию, в которой данный жест одновременно выражает и автоуказание, и перформативный компонент. Например, представим себе высказывание (здесь и далее слова, на которые приходится жест, подчеркнуты) *Не знаю, как они, а я вам очень благодарна*: это и дейктический жест (частично приходится на *я*, причём *я* противопоставляется *им*), и типичное невербальное сопровождение речевого акта благодарности (‘прошу поверить, что я действительно вам благодарна’).

Похожим образом описывается и автодейктический жест с участием кулака: он может быть синхронизирован или не синхронизирован с местоимением *я*. В первом случае жест передаёт значения ‘интенсивность’, ‘сила’, которые “в контрастном употреблении... трансформируются... в значение ‘противопоставление’”, ср. *А я где тогда буду?* (с. 193); во втором — “‘Я очень прошу поверить мне’, ‘я прошу поверить мне и по известному вам поводу испытываю **сильные** эмоции’”⁶ (там же), ср. *Если бы ты знал, как меня раздражает...* Здесь обращает на себя внимание пример для второго случая *Это я его нашёл* (последний в группе 5.5_6): Е.Г. описывает значение жеста как ‘очень прошу поверить вас, что это я его нашёл’ (с. 194), с чем мы не вполне согласны. И выражение вида *Это я <сделал нечто>*, и расширенный контекст (*Это*

⁵ См. в этой связи замечание Н.В. Перцова о неоправданности жёсткого дискретного подхода к описанию лексических единиц, принятого в теоретической семантике и лексикографии, для анализа поэтического текста [10, с. 301–302].

⁶ Шрифтовые выделения в цитатах из книги принадлежат Е.А. Гришиной.

я его нашёл! Он мой! Вы его переманили!) указывают на контраст ('я его нашёл, а не вы'), т.е. это именно первый случай; асинхронность же невербального и речевого дейксиса может быть связана с тем, что слушающий сначала смотрит на других участников диалога и поворачивается к говорящему только на словах ...его нашёл; говорящий же, пытаясь привлечь его внимание, на словах *Это я...* трогает его за пиджак (т.е. происходит то самое запаздывание жеста относительно лексемы, которое сама Е.Г. во Введении связывала с "необходимостью сделать в определённой точке фразы другой жест" (с. 29)). Тем самым, мы считаем, что 'противопоставление' здесь есть. Но мы допускаем, что есть также и значение, предлагаемое Е.Г. ('очень прошу вас поверить'), равно как и значение 'я испытываю сильные эмоции', — и тогда нет оснований считать два режима функционирования автоуказания кулаком непременно взаимоисключающими.

Приведённые два примера из главы 5 демонстрируют излишнюю, как нам кажется, категоричность отдельных утверждений автора. Такого рода утверждения встречаются и в других главах. В частности, в главе 4 Е.Г. замечает, что о самом частотном (284 случая из 439, 64%) головном указании — указании подбородком — ей "не удалось найти никаких упоминаний — ни как о дейктическом, ни как о регулирующем жесте" (с. 141). Это свидетельство, опять-таки, не следует понимать буквально: возможно, работ, в которых указание подбородком было бы предметом специального анализа, действительно нет, но упоминание о нём как о дейктическом жесте, несомненно, встречается, в том числе в хорошо известной Е.Г. (судя по ссылкам в книге) статье [5], посвящённой лекторским указательным жестам. В этой статье Г.Е. Крейдлин отмечает, что лекторы сравнительно часто используют указание подбородком [5, с. 324], и в дополнение приводит весьма любопытный пример из художественного произведения: *Тамара вытягивает подбородок в Катину сторону (такая она благовоспитанная, такая благовоспитанная, что даже в сильнейшем волнении ни за что не ткнет в Катю "неприлично" указательным пальцем!)* (А. Бруштейн. Дорога уходит в даль) [5, с. 325].

В главе 8 Е.Г. объясняет, почему глагольные приставки, смысловое представление которых содержит указание на начальную и конечную точку перемещения, а именно *воз-*, *низ-*, *пере-*, *раз-*, *со-* 'вместе' и *о-* / *об-* 'по кругу', не имеют парных омонимичных предлогов. Эти приставки "фиксируют... траекторию... Описание же траектории — это скорее наречное, а не предложное значение" (с. 287–288). Такое объяснение, с одной стороны, представляется нам чрезвычайно любопытным — как и любое осмысленное объяснение причины,

по которой в языке чего-то нет, — с другой стороны, в нём есть уязвимые места. Во-первых, существуют предлоги, обозначающие именно траекторию движения, — например, *мимо* или *вокруг* (*ходить мимо / вокруг дома*), причём некоторые из них передают то же значение, что и упомянутые приставки, ср. предлог *через* и приставку *пере-* (*перелезть через забор*). Во-вторых, не совсем верно, что ни у одной из перечисленных приставок нет парного омонимичного предлога — ср. *соединить правую часть с левой* для приставки *со-*.

Ниже мы вкратце опишем структуру монографии и остановимся на тонких и проницательных наблюдениях Е.А. Гришиной, на тех её соображениях, которые нам хотелось бы дополнить, а также на тех утверждениях, которые вызывают у нас сомнения. Наконец, мы рассмотрим отдельные примеры употребления жестов, для которых автор предлагает не совсем верную, на наш взгляд, интерпретацию.

Монография состоит из 15 глав, за которыми следует несколько указателей — указатели таблиц (который не единожды выручал рецензента, когда требовалось быстро отыскать пару статистически связанных параметров), рисунков, имён, терминов, а также указатель лексем, морфем и конструкций. Завершает книгу послесловие, содержащее, главным образом, воспоминания о Е.А. Гришиной её коллег, учеников и учителей.

В главе 1 ("Введение") определяются ключевые для монографии понятия, рассматриваются основные типы жестов и подробно излагается методика исследования (примечательно, что Е.Г. заботится о том, чтобы текст был понятен читателям, совершенно далёким от статистики; в частности, она объясняет, как использовать Microsoft Office Excel для вычисления χ^2 и как при желании можно обойтись без этой программы). В конце главы даётся список ссылок на иллюстративный видеоматериал к главам 2–14 — совершенно необходимое дополнение к книге.

В первой части ("Русские указательные жесты") описываются мануальные (ручные) жесты и существенные для их различения физические параметры⁷ (глава 2), указание большим пальцем (глава 3),

⁷ К сожалению, схожие обозначения параметров иногда приводят к терминологической путанице. Например, параметры *напряжённость ладони* и *вытянутость руки* объединяются в группу под названием *степень напряжённости руки*; при этом параметр *вытянутость руки* позже называется и *напряжение руки* (с. 76), и *напряжённость (sic!) руки* (там же, Табл. 2_4). Ср. также не вполне удачное пунктуационное оформление терминов на с. 60–62: рука бывает "напряжённая прямая" (т.е. *напряжённая* ≠ *прямая*) и "прямая, напряжённая" (*напряжённая* = *прямая*).

указания головой (глава 4) и автодейктические жесты — указания говорящего на самого себя (глава 5).

Вторая часть (“Русские изобразительные жесты. Фрагменты системы”) посвящена иконическим, или изобразительным, жестам. Значимыми параметрами для их анализа являются направление движения руки и головы — вдоль поперечной (направление “налево” и “направо”) и сагиттальной осей (направление “вперёд” и “назад”) — глава 6 — и вдоль вертикальной оси (глава 8). Описывается семантика сложных траекторий движения руки (глава 9) и особых конфигураций ладони (глава 10), а также влияние на жестикуляцию точки зрения говорящего, которое исследуется на материале отрицательных жестов и жестов, сопровождающих кванторные слова (глава 11). Отдельно рассматривается жестикуляционное сопровождение, характерное для глагольных приставок и корней (глава 7).

Третья часть книги (“Служебные жесты”) посвящена жестам глаз, которые выполняют функцию организации речи и не используются в отрыве от неё. Рассматриваются изменение направления взгляда (глава 12) и закрывание глаз (глава 13).

Четвёртая часть (“Сквозные темы в жестикуляции”) подводит итог монографии. В главе 14 автор возвращается к жестовому сопровождению высказываний с разными иллокуциями, к соотношению базовых этимонов с разными семантическими компонентами высказываний и отдельно рассматривает, как связаны глагольный вид и жестикуляция. Глава 15 резюмирует сведения, касающиеся геометрических этимонов (точка, прямая, вектор, дуга, окружность, плоскость и др.), лежащих в основе русских жестов.

Книга содержит множество чрезвычайно интересных соображений, касающихся семантики и синтаксиса жестов. Так, любопытно наблюдение Е.Г. о трансформации жеста *голова вперёд* из

Возможно, именно изобилие похожих терминов привело к серьёзным опечаткам в таблицах 2_5, 2_6 и 2_8 (с. 76–77). По счастью, контекст помогает восстановить (хотя и с некоторыми усилиями) правильные названия столбцов:

Табл. 2_5, 2_6: написано “Конфигурация ладони”; следует читать “Ориентация ладони”.

Табл. 2_6: написано “Напряжённость руки — Прямая — Полусогнутая”; следует читать “Напряжённость ладони — Напряжённая — Свободная” вопреки (sic!) термину *напряжённость* руки в пояснении Е.Г. к этой таблице — вероятно, здесь так же перепутаны *рука* и *ладонь*, как это время от времени происходит с термином *конфигурация руки / ладони*. Последнее обстоятельство, впрочем, не затрудняет понимание текста.

Табл. 2_8: написано “Конфигурация ладони”; следует читать “Напряжённость ладони”.

указательного в регулирующий или эмфатический в том случае, если он направлен не вниз, а на собеседника (с. 138). Примечательно, что для перформативного автодейксиса⁸ нередко используется та же последовательность жестов (с. 189), содержащая семантический компонент ‘обрати внимание’, что и для указания на какой-то другой объект (с. 71). Закрепление зоны позади говорящего за узуальными временами (настоящим узуальным и прошедшим узуальным) автор очень удачно, на наш взгляд, объясняет иконизмом временного и физического пространства: за спиной говорящего находится то, точное местоположение (или точное время) чего для него незначимо, неактуально (с. 227–228). Интересно замечание Е.Г., что между самыми энергозатратными схемами движения руки и речевым актом с максимальной силой иллокутивного воздействия на адресата (жёстким императивом) есть иконическая связь (с. 243–244). Автор обнаруживает, что лексические единицы, означающие ‘маленький объект’, могут сопровождаться разными жестами в зависимости от того, что акцентирует говорящий — физический размер объекта (тогда используются особые конфигурации ладони) или несущественность размера по причине его малости (тогда выполняются колебательные движения; с. 330).

Добавим, наконец, что текст заключительной главы 15 украшают остроумные и яркие детали, такие как термины *У-этимоны* и *А-этимоны* (утилитарные и абстрактные этимоны), отсылающие читателя к повестям А. и Б. Стругацких, или рассуждение, опирающееся на абстрактные этимоны, о связи правостороннего движения с направлением письма слева направо (с. 590); впрочем, очевидно, что сам автор не относится к нему слишком серьёзно.

Перейдём к дополнениям. В конце главы 4 рассматриваются сочетания головных и мануальных указательных жестов, исполняемых без пауз, с наложением по времени — *дейктические лигатуры*. В таких лигатурах “головное указание всегда предшествует ручному” (с. 174) — эту закономерность Е.Г. связывает с весьма интересным, на наш взгляд, явлением, состоящим в переходе от более абстрактного к более предметному указанию внутри жестикуляционной синтаксической конструкции. Нам кажется, что очень похожим образом устроены сочетания указательных жестов, в которых шерпа-взгляд обязательно предваряет

⁸ Под перформативным автодейксисом понимается такое указание говорящего на себя, при котором он сам не является предметом речи, а лишь наделяет своё высказывание определённой иллокутивной силой.

указание УП и ОЛ (о них речь шла в предыдущей главе, см. с. 114–116). Более того, представляется, что в некоторых примерах различие между поворотом головы и шерпа-взглядом почти неуловимо (ведь чтобы куда-то посмотреть, бывает удобно повернуть в этом направлении голову).

В главе 9 выделяются контексты с семантическим компонентом ‘двойственность’, “в которых... фигурируют двойные или парные объекты” (с. 334): *и вот эта модель переключения поведения из одного в другое; корреляцию двух характеристик каждого объекта* и т.д. (примеры 9.3_16). Е.Г. никак не комментирует жестикуляцию при этих высказываниях; тем не менее, в ней нетрудно заметить очень естественный иконизм: все примеры данной группы сопровождаются жестами двух активных органов (двух рук или двух пальцев). В прочих же случаях, относимых Е.Г. к двойственности (‘X совпадает с Y’, ‘X похож на Y’), это не всегда так.

В начале главы 10 приводится короткий обзор исследований, посвящённых различным соединениям пальцев. В дополнение к списку Е.Г. укажем жест, характерный для устного рассуждения и названный Г.Е. Крейдлиным “домик”: “жест исполняется двумя руками, кончики пальцев соединяются, образуя фигуру, напоминающую треугольную крышу, ладони при этом распрямлены и слегка отодвинуты друг от друга... Домик выражает и передаёт слушателям идею соединения разных частей одной мысли или разных мыслей в некое целое” [4, с. 295]. Обсуждая далее конфигурацию кулак, Е.Г. ссылается на работу [12, с. 27], где перечислены три основные группы значений, выражаемых кулаком: “1) сила, 2) крепко удерживать что-л., 3) заключать что-л. внутри себя” (с. 401). Справедливости ради стоит отметить, что те же группы значений, что и в цитируемой работе Кальбрис, выделены в более ранней статье [13] (в ней, среди прочего, речь идёт о функциях кулака в русской наивной картине мира).

Анализируя различия между кванторными словами *весь, все, каждый, любой* (глава 11), Е.Г. отмечает, что слово *любой*, в отличие от остальных трёх, “испытывает существенные затруднения при сочетании с отрицательной частицей: *любой человек — *не любой человек (не любой человек смертен)*” (с. 474), и в сноске оговаривает, что “такое сочетание возможно в поляризованных контекстах, в которых, к тому же, *любой* используется в режиме цитирования: *Или они привыкли, что за деньги любой человек на всё согласен? Ну, а теперь узнают, что не любой и не на всё!*” (там же). Добавим, что *не любой X* вполне нормально и в том случае, если *X* — это элемент какого-то разнородного множества, ср. *он*

может играть не на любой позиции (важно, что позиции отличаются одна от другой); *ему подойдёт не любая еда* и под.

Перечислим некоторые сомнительные, на наш взгляд, решения. Рассматривая в главе 7 группы глаголов с однотипным значением, Е.Г., по-видимому, объединяет возвратные глаголы с парными им невозвратными, но это не всегда оправданно. Скажем, глагол *биться* в примере 7.4_27 *Там бьётся мысль!* (с. 268) вряд ли имеет семантический компонент ‘подавлять, наносить ущерб’ — между тем, если судить по данному примеру, он отнесён именно в этот класс, т.е. туда же, куда и глагол *бить*.

В главе 9 приводятся основные типы контекстов, сопровождаемых круговыми движениями рук. Среди них выделяется тип “объект”, который включает “упоминания стабильных объектов разной степени абстракции” (с. 352) и иллюстрируется примерами (9.8_2): *когда человек просто делает двуязычный словарь; элементом мира является уже структурированный какой-то элемент; бог вылепил из глины [человека]* и др. Нам представляется, что здесь важна не столько стабильность объекта, сколько сам процесс придания ему формы (и тем самым структуры, системности, цельности и под.), и именно этот процесс говорящий и изображает при помощи жестов. В связи со сказанным заслуживает внимания пример *И углы этого кубика высветились бы*. Автор возвращается к нему позже в этой главе, обсуждая контексты, которые допускают “двойную трактовку..., т.е. использованный в них тип жестикуляционного движения не совпадает с их содержанием” (с. 364). Е.Г. отмечает, что, хотя «круговое движение... формально относится к стабильному объекту “кубик”,... на самом деле, по-видимому, говорящий использует это... движение в значении ‘трансформация объекта’..., т.е. углы кубика из пыли трансформировались бы в свет (*высветились бы*), а сам кубик превратился бы в чёрную дыру» (с. 365). При нашей трактовке данный пример просто не должен попадать в подборку 9.8_2 (поскольку углы кубика не формируются) — он без дополнительных оговорок относится к группе “трансформация объекта” (в отношении семантики мы полностью согласны с Е.Г.).

В той же главе выделяется группа контекстов ‘всеобщность’; она иллюстрируется большой (40 примеров) подборкой 9.8_11, в которой дважды встречается слово *абсолютно*: *вот завершилось абсолютное доказательство и все персонажи говорят абсолютно одинаковым языком*. При просмотре соответствующих клипов нам показалось, что эти примеры устроены иначе, чем остальные.

В первом случае многократное круговое движение начинается на *завершилось* (на *абсолютно* оно продолжается) и, видимо, передаёт идею формирования некоторого объекта (*доказательства*) — об этой группе контекстов мы только что говорили. Во втором случае на *абсолютно* приходится отрицательный горизонтальный жест руки, что хорошо согласуется со смыслом *абсолютный* — ‘не имеющий исключений’ (подробнее см. [8, с. 249]), после чего круговое движение заново подхватывается. Примечательно, что других *абсолютно* в данной подборке нет; возможно, слово *абсолютно*, в отличие от *весь*, не обладает свойством “притягивать” круговое движение (впрочем, необходимо видеть весь авторский материал).

В главе 10 Е.Г. объясняет хорошую сочетаемость кулака с контрастом и эмфазой: “говорящий прилагает некоторые физические или лингвистические усилия, чтобы выделить некоторый компонент во фразе” (с. 405). Нам думается, что здесь имеет место не столько иконическое отображение усилий говорящего, сколько метафорическое схватывание в кулак чего-то важного (с точки зрения говорящего) — см. выше значение 2, цитируемое по [12, с. 27].

Продemonстрировав в главе 7, что движение руки вправо или влево может согласоваться, среди прочего, с модально-временными характеристиками утвердительного предиката, Е.Г. в главе 11 ставит вопрос о том, действует ли данная закономерность для отрицательных высказываний. Оказывается, что закономерность уже другая: все отрицательные предикаты (и в настоящем, и в прошедшем времени, и в высказываниях со снятой утвердительностью) предпочитают жестикуляцию в правой зоне, т.е. в зоне, характерной для контекстов снятой утвердительности (с. 436). Комментируя этот факт применительно к предикатам в прошедшем времени (в утвердительных высказываниях для них характерна левая, а не правая зона жестикуляции), Е.Г. пишет: “...отрицательная конструкция переводит сообщение о некотором факте в разряд сообщений **об отсутствии этого факта**, что, очевидно, уже является не фактом, а таким же мнением говорящего, как и прочие конструкции со снятой утвердительностью” (там же). Вторая половина этого утверждения, по нашему мнению, не очевидная, а, наоборот, очень странная: почему, например, *Вчера он был здоров* — это факт, а *Вчера он не был здоров* — уже не факт, а мнение? Нам кажется, что здесь следует рассматривать оппозицию не “факт vs. мнение”, а просто “утверждение некоторого факта vs. его отрицание”. Возможно, это противопоставление как раз является

исходным для “факт vs. мнение”: мнение — это то, в чём говорящий **не** уверен.

В главе 14 автор показывает, что ряд словообразовательных особенностей глаголов СВ с суффиксом *-ану-* можно объяснить семантикой этих глаголов, которая выражается на жестикуляционном уровне. В целом соглашаясь с наблюдениями Е.Г., укажем на одно её замечание, которое нам представляется слишком сильным: “глаголы с *-ану-* с трудом образуются от исходных НСВ-глаголов, если у последних в составе значения уже есть элемент ‘сильно’ (*топать* / **топануть* / *топнуть*)” (с. 585) — в разговорной речи, тем не менее, встречаются такие лексемы, как *пихануть*, *махануть* или *дерануть*.

В ряде случаев вызывает сомнение интерпретация отдельных примеров. Так, в главе 7, комментируя основной вывод о жестикуляционном профиле корней — “жестикуляция, которая сопровождает корни, передаёт не **способ** перемещения, а **сам факт перемещения на какое-то расстояние**” (с. 281), Е.Г. в сноске замечает, что исключение составляет ситуация, “когда говорящий с помощью поочерёдного движения пальцев передаёт идею ходьбы, т.е. в случае, когда пальцы изображают ноги”, и приводит пример 7.4_33: *В четверг? Нет, я не могу. Я везу Шагала на экспертизу*. В связи с этим примером Е.Г. уточняет, что обозначение пальцами смысла ‘идти’ всего лишь частотно, но “далеко не обязательно” (там же). Нам же кажется, что перебирание пальцев в 7.4_33 следует интерпретировать иначе, а именно, связывать его не с лексемой *везти*, как это сделала Е.Г., а с фамилией *Шагал*, омонимичной форме м.р. прошедшего времени глагола *шагать*. В этом случае жест пальцев здесь, во-первых, означает именно ‘идти’, а во-вторых, помогает говорящему передать фамилию художника, используя невербальные средства.

В главе 8 речь идёт о глагольных корнях, содержащих компонент ‘тот же’ и обычно сопровождаемых движением сверху вниз. К ним относится глагол *оставить*, для которого приводится следующий пример: — *Вас всё равно здесь одних не оставят в этой громадине... — Оставят, Женечка, оставят* (с. 308). Е.Г. связывает движение руки вниз с семантическим компонентом глагола *оставить* (‘то же самое место’). Нам представляется, что жест связан просто с уверенностью говорящего в своих словах (которая выражается не только жестом, но и повтором одного и того же слова) и является мануальным аналогом кивка (о схожей природе кивка с такими жестами см. примечание на с. 309), ср. похожий пример с другим глаголом, который мы специально нашли в МУРКО: — *А девушки*

есть, да? — Девушка? И девушки нет. — Будет, будет. Будет. (к/ф “Мужество”, реж. М. Калатозов и др.) — повторяя глагол *будет*, который не содержит компонент ‘тот же’, говорящий кивает.

В главе 9 одна из групп контекстов, сопровождаемых колебательными движениями, называется “несущественное по размерам отклонение от какого-то ориентира, незначительное отклонение некоего процесса от базовой линии”. Сюда попадают такие контексты, как *она колеблется как угодно; как бы мы ни возмутили [поверхность]; поля как континуума осциллятора; что появится рябь на поверхности зеркала*. Нам кажется, что интерпретация именно этих примеров несколько переусложнена: колебания просто присущи самому изображаемому объекту, т.е. колебательные жесты здесь чисто иконические, и именно такого рода контексты служат основой для метафорических переносов, в результате которых и образуются более общие значения, в частности ‘небольшое отклонение от какого-то ориентира’.

В главе 10 автор отмечает, что конфигурация кулак сочетается с эмфатическим интонированием и контрастными конструкциями. Приводимые примеры в целом хорошо это иллюстрируют, но один случай выделяется из общего ряда: *я просто назвал эти натрий-аммоний йоны и четыре молекулы воды конгломератами* (с. 406) — здесь говорящий перечисляет объекты и загибает пальцы, так что в конце концов у него получается кулак, которым он слегка трясёт на слове *конгломератами*. Тем самым, здесь кулак — это, скорее, не сила, а символ единства: все элементы названы одним словом.

Чуть ниже Е.Г. указывает, что кулак, так же, как боковые и вертикальные кивки, часто используется в контекстах противопоставления, но, в отличие от этих жестов, появляется, когда “говорящий... считает, что выраженная им в его высказывании точка зрения является более слабой и менее общепринятой, чем точка зрения, против которой он возражает” (с. 406–407). К сожалению, в приводимых примерах это сложно увидеть. В частности, во фразе *Любой человек грешен, бог чист* непонятно, что сильнее, а что слабее. Исследование расширенного контекста для этого примера в МУРКО показывает, что говорящий здесь складывает пальцы в кулак в перерывах между жестикуляцией, когда его руки возвращаются на колени в позицию покоя. Таким образом, возможно, что в данном случае кулак — это нечто вроде межфразовой паузы в устной речи или пробела на письме.

В главе 12 вводится понятие *включённого*, или *несамостоятельного жеста* — это жест (в контексте данной главы — *закрывание глаз*), который “не

предназначен для использования 1) в режиме пантомимы и 2) без сопровождающих отрицание / подтверждение жестов” (с. 514), то есть может употребляться только в составе жестовой лигатуры. Одной из таких лигатур является “лигатура понимания”, которую составляют жест *отодвинуть голову назад* и *закрывание глаз* как заместитель кивка согласия. Данная лигатура иллюстрируется двумя примерами (с. 516), которые при внимательном рассмотрении оказываются совершенно разными. Это касается как способа закрывания глаз (— *Это не я. Пушкин. — А-а-а! Пушкин!* — говорящий однократно закрывает и открывает глаза, движение век быстрое; — *Ну, с тем, с которым вы были на рыбалке, в ресторане... — А-а-а, Геннадий Петрович* — жест *закрывать глаза* более отчётливый и длительный), так и, как следствие, степени их самостоятельности (первый жест менее самостоятельный, чем второй). Примечательно, что Е.Г. учитывает это различие в разметке соответствующих клипов МУРКО: *закрывать глаза* ‘понимание’ указывается только для второго примера; возможно, было бы излишним привести эти жесты и в книге.

Нет никаких сомнений в том, что книга Е.А. Гришиной — фундаментальный труд, подводящий итог её научной деятельности последних нескольких лет и закладывающий основу для дальнейших исследований в области русской жестикуляции на новом уровне. Эти исследования уже сейчас проводятся параллельно разными научными коллективами (обзор научных событий в области жестикуляционной лингвистики за последние два года см. в [9]). Можно надеяться, что результаты, полученные Е.Г., будут проверены и дополнены новыми наблюдениями на материале не только МУРКО, но и других русских мультимодальных корпусов: русского эмоционального корпуса [14], корпуса рассказов и разговоров о грушах, над которым трудится коллектив под руководством А.А. Кибрика (www.multidiscourse.ru), и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиппов А.В. Жесты и их отображение в тексте художественного произведения // Лингвистический сборник: Сб. трудов Министерства просвещения РСФСР. Вып. 5. М.: Изд-во МОПИ им. Крупской, 1975. С. 185–194.
2. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛО, 2002.

4. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге. I. Жестовые ударения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции “Диалог 2006”. М.: РГГУ, 2006. С. 290–296.
5. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге. IIa. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции “Диалог 2007”. М.: РГГУ, 2007. С. 320–327.
6. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге. IIb. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции “Диалог 2008”. М.: РГГУ, 2008. С. 248–253.
7. Переверзева С.И., Крейдлин Г.Е. Телесность и особенности семиотического диалогического поведения 2008 // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции “Диалог 2008”. М.: РГГУ, 2008. С. 427–430.
8. Kendon A. Visible action as utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
9. Фёдорова О.В. О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е.А. Гришиной) // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 114–123.
10. Перцов Н.В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2015.
11. Фёдорова О.В. Грамматика взгляда в исследованиях мультимедийной коммуникации // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. (в печати)
12. Calbris G. Elements of meaning in gesture. Amsterdam; Philadelphia (PA): John Benjamins, 2011.
13. Летучий А.Б. Часть тела / форма “кулак”: функции, концептуализация, место в системе частей тела // Московский лингвистический журнал. 2008. № 4. С. 91–108.
14. Котов А.А. Паттерны эмоциональных коммуникативных реакций: проблемы создания корпуса и перенос на компьютерных агентов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 211–218.
- [Linguistic Collection: Proceedings of the Russian Federation Education Ministry. Issue 5]. Moscow, Izd-vo MOPI im. Krupskoy Publ., 1975, pp. 185–194. (In Russ.)
2. Grigorieva, S.A., Grigoriev, N.V., Krejdlin, G.Ye. *Slovar yazyka russkikh zhestov* [Russian Gestures Dictionary]. Moscow, Vienna, Yazyki Russkoj Kultury Publ., Vienna Slavic Almanac Publ., 2001. (In Russ.)
3. Krejdlin, G.Ye. *Neverbalnaya semiotika* [Non-Verbal Semiotics]. Moscow. NLO Publ., 2002. (In Russ.)
4. Krejdlin, G.Ye. *Mekhanizmy vzaimodejstviya verbalnykh i neverbalnykh edinit v dialoge. I. Zhestovye udareniya* [Interactions Arrangements of Verbal and Non-Verbal Units in a Dialogue. I. Gestures Accents]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog 2006”* [Computer Linguistics and IT: Bulletin of the International Conference “Dialogue 2006”]. Moscow, RGGU Publ., 2006, pp. 290–296. (In Russ.)
5. Krejdlin, G.Ye. *Mekhanizmy vzaimodejstviya verbalnykh i neverbalnykh edinit v dialoge. IIa. Dejkticheskie zhesty i ikh tipy* [Interactions Arrangements of Verbal and Non-Verbal Units in a Dialogue. IIa. Deixis Gestures and Its Typology]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog 2007”* [Computer Linguistics and IT: Bulletin of the International Conference “Dialogue 2007”]. Moscow, RGGU Publ., 2007, pp. 320–327. (In Russ.)
6. Krejdlin, G.Ye. *Mekhanizmy vzaimodejstviya verbalnykh i neverbalnykh edinit v dialoge. IIb. Dejkticheskie zhesty i rechevye akty* [Interactions Arrangements of Verbal and Non-Verbal Units in a Dialogue. IIb. Deixis Gestures and Speech Acts]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog 2008”* [Computer Linguistics and IT: Bulletin of the International Conference “Dialogue 2008”]. Moscow, RGGU Publ., 2008, pp. 248–253. (In Russ.)
7. Pereverzeva, S.I., Krejdlin, G.Ye. *Telesnost i osobennosti semioticheskogo dialogicheskogo povedeniya* [Corporality and Semiotic Dialogue Behavior Features]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog 2008”* [Computer Linguistics and IT: Bulletin of the International Conference “Dialogue 2008”]. Moscow, RGGU Publ., 2008, pp. 427–430. (In Russ.)
8. Kendon A. Visible action as utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
9. Fiodorova, O.V. *O russkoj zhestikulyatsii s lingvisticheskoy tochki zreniya (k vykhodu monografii E.A. Grishinoj)* [On Russian Gestures from a Linguistic Perspective (to the E.A. Grishina Monograph Edition)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2018. No. 5, pp. 114–123. (In Russ.)

REFERENCES

1. Philippov, A.V. *Zhesty i ikh otobrazhenie v tekste khudozhestvennogo proizvedeniya* [Gestures and Their Reflection in the Literary Texts]. *Lingvisticheskij sbornik: sb. trudov Ministerstva prosvescheniya RSFSR. Vyp. 5*

10. Pertsov, N.V. *Lingvistika, poetika, tekstologiya: izbrannye stati* [Linguistics, Poetics, Textology: Selected Articles]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2015. (In Russ.)
11. Fiodorova, O.V. *Grammatika vzglyada v issledovaniyakh multikanalnoj kommunikatsii* [Glance Grammar in Studies of Multichannel Communication]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Bulletin of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS]. (In Print) (In Russ.)
12. Calbris G. *Elements of meaning in gesture*. Amsterdam; Philadelphia (PA): John Benjamins, 2011.
13. Letuchiy, A.B. *Chast tela – forma “kulak”: funktsii, kontseptualizatsiya, mesto v sisteme chastej tela* [A Body Part & A Form “Fist”: Functions, Conceptualization, Place in the Body Part System]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. 2008. No. 4, pp. 91–108. (In Russ.)
14. Kotov, A.A. *Patterny emotsionalnykh kommunikativnykh reaktsij: problemy sozdaniya korpusa i perenos na kompyuternykh agentov* [Patterns of Emotional Communicative Reactions: Problems of Corpus Creation and Transfer to Computer Agents]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii. Vyp. 8 (15)* [Computer Linguistics and IT. Issue 8 (15)]. Moscow, RGGU Publ., 2009, pp. 211–218. (In Russ.)

С.И. Переверзева,

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Школы лингвистики
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4
P_Sveta@hotmail.com

*Дата поступления материала
в редакцию 28 июня 2018 г.
Дата публикации: 30 апреля 2019 г.*

Svetlana I. Pereverzeva,

Candidate of Philological Sciences,
Researcher at the School of Linguistics
of the National Research University
“Higher School of Economics”,
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
P_Sveta@hotmail.com

*Received: June 28, 2018
Date of publication: April 30, 2019*

Для цитирования: Переверзева С.И. <Рец.>. Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М: Языки славянской культуры, 2017. 744 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Том 78. № 2. С. 60–69.

For citation: Pereverzeva, S.I. <Rev.> Grishina E.A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoy tochki zreniya (korpusnye issledovaniya)*. M: Yazyki slavyanskoj kultury, 2017. 744 s. [Grishina E.A. Russian Gestures from a Linguistic Perspective (A Collection of Corpus Studies). Moscow, Yazyki Slavjanskoj Kultury Publ., 2017. 744 p.]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 2, pp. 60–69. (In Russ.)